

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Альфи.....	7	Глава 15	70
Глава 1.....	8	Глава 16	72
Глава 2.....	10	Глава 17	78
Глава 3.....	14	Глава 18	81
Эйдан.....	16	Глава 19.....	83
Глава 4.....	17	Глава 20.....	86
Глава 5.....	20	Глава 21.....	89
Глава 6.....	24	Глава 22.....	93
Глава 7.....	32	Глава 23.....	97
Глава 8.....	38	Глава 24.....	99
Глава 9.....	40	Глава 25.....	105
Глава 10.....	44	Глава 26.....	109
Глава 11.....	49	Глава 27.....	114
Глава 12.....	52	Глава 28.....	117
Глава 13.....	57	Глава 29.....	123
Глава 14	67		

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 30.....	129	Глава 43.....	190
Глава 31.....	132	Глава 44.....	193
Глава 32.....	137	Глава 45.....	199
Глава 33.....	144	Глава 46.....	204
Глава 34.....	148	Глава 47.....	210
Глава 35.....	157	Глава 48.....	211
Глава 36.....	159	Глава 49.....	214
Глава 37.....	162	Глава 50.....	219
Глава 38.....	166	Глава 51.....	224
Глава 39.....	170	Глава 52.....	227
Глава 40.....	175	Глава 53.....	229
Глава 41.....	180	Глава 54.....	234
Глава 42.....	185	Глава 55.....	236

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 56.....	239	Глава 69.....	294
Глава 57.....	248	Глава 70.....	296
Глава 58.....	251	Глава 71.....	300
Глава 59.....	257	Глава 72.....	303
Глава 60.....	259	Глава 73.....	305
Глава 61.....	263	Глава 74.....	309
Глава 62.....	269	Глава 75.....	313
Глава 63.....	273	Глава 76.....	315
Глава 64.....	275	Глава 77.....	319
Глава 65.....	280	Глава 78.....	320
Глава 66.....	285	Глава 79.....	324
Глава 67.....	290	Глава 80.....	329
Глава 68.....	292		

ЧАСТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Глава 81.....	333	Глава 94.....	372
Глава 82.....	337	Глава 95.....	373
Глава 83.....	340	Глава 96.....	376
Глава 84.....	342	Глава 97.....	378
Глава 85.....	345	Глава 98.....	381
Глава 86.....	347	Глава 99.....	392
Глава 87.....	350	Глава 100.....	395
Глава 88.....	356	Глава 101.....	398
Глава 89.....	359	Глава 102.....	400
Глава 90.....	362	Глава 103.....	402
Глава 91.....	365	Глава 104.....	407
Глава 92.....	368	Глава 105.....	409
Глава 93.....	370		

Альфи

Хотите жить вечно? Я вам не советую. Я привык быть бессмертным и прекрасно понимаю, что это за жизнь. Я сыт ею по горло. Я хочу расти, как все остальные.

Вот вам моя история. Зовут меня Алве Эйнарсон. Мне тысяча лет. На самом деле даже больше.

Мы друзья? В таком случае зовите меня Альфи. Альфи Монк.

ГЛАВА 1

Саут-Шилдс, 1014 год н. э.

Мы, я и мама, сидели на невысоком утёсе возле устья реки и смотрели, как на другом берегу дым от нашей деревни поднимается и смешивается с облаками.

Реку все называли Тайн. Мы произносили это слово как «Тиин», но это было наше личное название.

Мы сидели, мама вытирала слёзы и яростно ругалась, а из-за реки до нас доносились стоны и крики. Мы чувствовали запах дыма от сгоревшей деревянной крепости на вершине утёса. Люди — большей частью наши соседи — столпились на том берегу, но Даг, перевозчик, не собирался возвращаться за ними. Не сейчас: сейчас его тоже убили бы. Он, бормоча извинения, убежал от нас, едва его плот коснулся берега.

Прибывшие на лодках наконец появились над берегом, где собрались местные жители. Сначала они просто стояли — высокомерные и бесстрашные, затем, держа наготове мечи и топоры, пошли вниз к своей добыче. Я видел, как люди входят в воду, пытаясь скрыться. Далеко им не уйти: их перехватит маленькая лодка, которая ждёт на середине реки.

Я опустил голову и уткнулся в мамину шаль, но мама выдернула шаль и вытерла глаза. Голос её дрожал от ярости.

— Позори, Алве, позори!

Мы так говорили. Теперь этот язык называется древне-скандинавским. Но сами мы никак его не называли. Она имела в виду: «Смотри! Смотри, что они делают с нами, — люди, которые явились с севера в своих лодках».

Но я не мог смотреть. Я встал и пошёл прочь в каком-то оцепенении. И всё равно я слышал звуки убийств и чувствовал запах дыма. Я был несчастен из-за того, что остался жив. Позади меня мама толкала маленькую деревянную тачку, нагруженную барахлом, которое мы похватали и ухитрились уложить на Дагов плот. Моя кошка Биффа шла сбоку, иногда бросаясь в траву за мышью или кузнечиком. Обычно в таких случаях я улыбался, но в этот раз я был так опустошён, словно меня выпотрошили.

Пройдя милю или две, мы с мамой нашли глубокую защищённую бухту и в ней — пещеру. Солнце светило ярко, и я смог воспользоваться отцовским зажигательным стеклом — кривым полированным осколком, собиравшим солнечный свет в тонкий лучик, способный зажечь огонь. Я боялся, что налётчики станут нас преследовать, но мама сказала, что не станут, и оказалась права. Мы спаслись.

Три дня спустя мы наблюдали, как их лодки уходят обратно в море, и тогда я совершил самую большую ошибку в своей жизни. Чтобы её исправить, мне пришлось ждать тысячу лет.

ГЛАВА 2

Если вам захочется спросить меня: «Почему ты это сделал?» — валяйте, спрашивайте, я не против. Я много-много раз задавал себе этот вопрос. И до сих пор не знаю полного ответа. Могу лишь сказать, что я был молод и очень, очень напуган. Я хотел сделать что-нибудь — что угодно, — чтобы стать сильнее, чтобы лучше помогать маме и защищать нас обоих.

И я стал Бессмертным, как моя мама.

Это началось давно. Правда, давно: очень много лет назад. Вот что случилось.

Мой отец владел пятью маленькими стеклянными шариками, которые мы называли жемчужинами.

Жемчужинами жизни.

Ничего ценнее у нас не было. Мама говорила, что, возможно, во всём мире нет ничего более ценного.

Чтобы их получить, люди шли на убийство; отец погиб, чтобы их сохранить. Потому-то мы никому не говорили, что они у нас есть.

Теперь их осталось три. Одна для мамы и две для меня, когда я подрасту.

Я знал это. Мама часто внушала мне: «Сперва ты должен вырасти, Алве. Прояви терпение».

Но я не мог ждать.

На третий вечер нашего пребывания в пещере, когда мама ушла за пресной водой, я откупорил маленький глиняный горшочек и достал жемжизнь. Хотя она была очень старой, стекло переливалось в сумеречном свете, идущем от входа в пещеру. А густая жидкость внутри словно загорелась янтарным огнём, когда я поднёс жемжизнь к костру.

Биффа сидела на небольшом камне напротив меня, и её жёлтые глаза светились так же, как и стеклянный шарик. Понимала ли она? Биффа мякнула, будто что-то сказала мне. Очень часто мне казалось, что Биффа многое понимает.

Присев на корточки, я нашёл нож — маленький кусок железа с деревянной рукояткой, который раньше принадлежал папе, — и поднёс его к огню. Оглянувшись на вход в пещеру, чтобы убедиться, что я один, и сглотнул.

Когда я дважды полоснул горячим лезвием по плечу, появилась кровь. Два коротких надреза — таких же, как мамины шрамы. Таких же, как шрамы, которые были у отца. Я не знаю, важно ли делать именно два надреза; возможно, нет.

Просто так принято.

Больно не было, пока я не попытался растянуть края раны в стороны. Я надкусил жемчужину жизни, и она треснула. Из неё потёк золотистый сироп, похожий на кровь из моих ран. Я собрал его пальцами

и втёр в раны. И повторял это снова и снова, пока не закончился сироп. Он жалил, как свежая весенняя крапива.

Потом всё пошло не по плану. Я много раз проигрывал эту ситуацию в голове, как люди проигрывают понравившийся эпизод из фильма. Мог ли я что-нибудь изменить?

Не знаю.

Думаю, Биффе просто было интересно. Она не могла знать — хотя, как я уже сказал, Биффа была знающей кошкой. Неожиданно она тихонько мурлыкнула и прыгнула ко мне прямо через костёр — сбоку, где пламя было пониже. Нож я держал в руке и поднял его, не задумываясь; это был автоматический жест самозащиты. Нож поцарапал переднюю лапу Биффы, но кошка даже не мяукнула. Когда она приземлилась, я обернулся, и моя туника смахнула с каменной полки ещё одну жемчужину жизни. В этот момент я потерял равновесие, наступил на жемчужину, и она треснула.

Несколько секунд я в ужасе смотрел на неё. Уже то было плохо, что я не послушался маму. Но вдобавок я впустую потратил ещё одну бесценную жемчужину жизни.

Из неё на камень стала сочиться густая янтарная жидкость. Думая только о том, что её нельзя выбросить, я схватил Биффу за шкуру и начал втирать жидкость в раненую лапу.

(После я долгие годы объяснял маме, что сделал это без злого умысла. Я хотел только, чтобы жемчужина не пропала зря.)

Затем я перевязал руку длинным куском чистой ткани, а другой кусок обмотал вокруг лапы Биффы. Кажется, кошка была не против. Она облизала усы, зевнула и свернулась клубочком. Вскоре на фоне синего неба появился силуэт мамы — она вернулась с ведром чистой воды. Я сгорал от стыда.

Иногда мне кажется, что я всё ещё стыжусь.

В тот момент мне было одиннадцать зим.

Мне предстояло более тысячи лет оставаться одиннадцатилетним.